

УДК 882-3:882-53

ЖАНРОВЫЕ ВАРИАНТЫ КОНЦЕПТА «ПРОСТРАНСТВО» В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ

Т. С. Соколова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Sokolova@bsu.edu.ru*

Содержание жанровых вариантов концепта «пространство» в текстах русских былин и волшебных сказок определяется особенностями этнического восприятия данной априорной категории бытия сквозь призму различных культурных моделей: мифологической, религиозной, обыденной.

Ключевые слова: этнокультурная информация, концептуализация, пространственные признаки, фольклорная номинанта, традиция и вариативность.

Введение

Теоретические установки и рабочие термины. Антропо- и этнокультурная информация об априорных сферах бытия, концептуально отраженная в фольклорной картине мира, представлена в вариантах (версиях, мотивах) с возможным пересечением в некоторых точках в различных жанровых текстах.

Рассматривая содержание фольклорного текста как лингвоэстетическую ценность, мы считаем, что его номинативный потенциал следует воспринимать не только в качестве языковых знаков тех или иных денотатов. Эффект плотной связанности композиции и сюжета устно-поэтического текста и лаконичность его жанровых объемов, заданных традицией, обуславливает номинацию концептуальных признаков фольклорной картины посредством словарной системы, двоякой по своему характеру.

С одной стороны, это **лексическая система**, состоящая из отдельных слов, находящихся в парадигматических и синтагматических связях и отношениях. С другой стороны, это **система текста**, состоящая из текстовых отрезков, которые по объему больше, чем слово.

В языке фольклора, как и в кодифицированном языке, **лексическое номинирование** представлено отдельным словом. Наиболее ощутимо именно в устно-поэтическом тексте слово осознается «основным элементом и средством принципиального отличия этнического языка от искусственного» (В. В. Морковкин). Будучи «живым и одухотворенным образованием», а в связи с этим «вещью культурно-исторической» (В. В. Виноградов), фольклорное слово наглядно отражает связь прошлого, настоящего и будущего, оказываясь при этом в центре многоаспектных изучений.

Считаем, что фольклорный текст также своеобразно запечатлел динамику номинативных процессов, реализовавшихся в виде **словесных блоков**, различных по количественному составу и способам обозначения пространственных реалий: **бинарные номинанты, тематико-ситуативных комплексы**.

По модели прилаг. + сущ. построены общежанровые «пространственные» **бинарные номинанты: белый свет, чисто поле, дремучий лес, сине море** и др. Их сочетаемость предопределена древними ассоциациями, возникавшими на основе тесной связи представлений о явлениях и их признаках. Так, к слову **свет** – ‘*что белое, открытое*’ (в этом исходном значении оно близко к древнему смыслу слова **поле, польный** – ‘*свободный, открытый*’) присоединилось во времени именно слово **белый**, еще ахроматическое по содержанию; иначе, **белый свет** – это ‘*светел свет*’. Подобное тавтологическое сложение смыслов, подчеркивает В. В. Колесов, могло возникнуть только в произведениях народного творчества, т. е. долго они не были ни книжными, ни разговорными [1, с. 222]. Генетически семантическая согласованность слов обуславливает их устойчивость в совместной сочетаемости, а также присутствие в структуре единого значения экспрессивного ореола, реализующегося в тексте.

Общепринятым утверждением стали слова А. А. Потебни относительно признака ассоциативной блоковости, тесно объединяющего компоненты в сочетаниях прилаг. + сущ.: «...чем больше вглядываешься в народную песню, сказку, поговорку, тем больше находишь сочетаний, необходимо условленных предшествующей жизнью внутренней формы слов» [2, с. 35]. Богатейший номинативный потенциал атрибутивных сочетаний позволял вербально зафиксировать в определенном семантическом объеме степень познания денотата с избирательным выделением ценностно значимых признаков. Каждый из выделенных признаков на стадии «поэтического» мышления древним человеком воспринимался как символический, метафорический. Эта стадия мышления запечатлена в содержании фольклорных номинант, которое с позиции нефольклорного языка квалифицируется как специфическое, своеобразное, своеобразное.

В числе фольклорных словесных блоков как особую текстовую номинанту выделяем **тематико-ситуативный комплекс**. Его составляющими являются ключевые для языка фольклора повторяющиеся или однокоренные лексемы, бинарные, многокомпонентные сочетания (пары бинарных номинант) как отдельные звенья одной словарной цепи, объединенные общей контекстной ситуацией. Назначение фольклорного тематико-ситуативного комплекса, состоящего из тематического (семантического) «сгустка» фольклорных номинант, – комплексно выделять, подчеркивать ценностно значимые признаки бытия человека.

Определение единиц фольклорного лексического словаря и словаря текста в плане их концептуальных возможностей существенно для последующего описания иллюстративного материала. Немаловажно также остановиться на основных функциональных признаках фольклорных единиц как вербальных ресурсов для актуализации пространственных признаков в жанровых версиях. Блоковый характер компонентов словесных комплексов, заданный спецификой системной организации фольклорной лексики, при функционировании отличается признаком **устойчивости**. Устойчивость (но не только она) сможет быть условием другой функциональной черты словесных комплексов – **высокой частотности**. Проявление данной черты поддерживается универсальным свойством языка фольклора – **вариативностью**, осуществляемой в рамках **традиции**.

Практическая часть

Былинный концепт «пространство»

В фольклорных произведениях языковые средства, раскрывающие своей семантикой те или иные пространственные признаки, тематически объединяются общей номинантой **путь-дорога**, компоненты которой в различных жанрах по отношению друг к другу могут быть семантически тождественны или соотноситься как целое и часть. В былинах человеку предназначено жить и действовать (пройти свой путь-дорогу) в пространственных зонах, определяемых как *‘место бытования персонажа’*, а также *‘предназначенность места’*. Остановимся на наиболее частотных, ключевых номинантах, маркирующих былинное пространство. Содержание пространственного ориентира *‘верх’* (избыточная протяженность по вертикали - поднебесье), противопоставленного ориентиру *‘низ’* (земля), раскрывается преимущественно в былинах о Святогоре и его отце, в которых отражено космогоническое восприятие древним человеком пространства. В связи с этим фольклорные номинанты из тематической группы “былинный ландшафт”: **гора высокая, Святая гора, гора Палавонская** – обозначают место обитания Святогора и его отца. Святогор воплощает стихийные силы природы и олицетворяет титана, которого не могла носить земля:

На тых **горах** **высоких**,

На той на **Святой** **горы**

Был богатырь чудный ...

Не носила его да мать сыра земля [3 (Г.), I, с. 7].

Отправляется казак да Илья Муромец...

На ту гору на Палавонскую

А к тому же старичку да было древнему (отцу Свято-
гора – Т.С.) [З (Г.), I, с. 99].

Отголоски космогонического восприятия пространства также маркируются в других контекстах или монологемой – **гора**, или оронимом с уточняющим словом – **Тугие горы**, которые называют традиционные места бытования других мифических персонажей – змеи лютой, Идолища поганого – «врага земли русской»:

Съездить надо **во Туги горы**

Ай **во Туги горы**

съездить ко лютой змеи [З (Г.), I, с. 59].

Под толи **под горою** под **высокою**

А стоит ведь конь там богатырский,

А сидит на кони воин главный

(Идолище поганое – Т.С.).

Голова у него как бурак сильняя,

И глаза у него как чаши пивные,

Нос палица как богатырская [З (Г.), I, с. 65].

Былинная зона по вертикали (высоко вверх) особо отмечена и воспринимается как чужая (чуждая, чудная, дивная). Это обусловлено тем, что русич, проживая преимущественно на равнинных просторах, не мог принять как свое то, что слишком вышало над окружающим его миром и нарушало привычную открытость. Идея ценности человеческой личности, утверждаемая в былинах о младших богатырях, оттесняет на задний план стихийные силы природы. Зона бытования и деяний людей – младших богатырей – это преимущественно земное пространство (сухопутное, водное) по горизонтали, что обозначается в контекстах наиболее частотной номинантой **чисто (чистое) поле**, которая семантически очень объемна. Действия персонажей происходят в масштабных пространствах, что может подчеркиваться совместным употреблением ключевых сочетаний **чисто поле** и **раздолье широкое**:

А оны скоро ведь садились на добрых коней,

А уехали оны да **во чисто полё**

А й в тое раздолье **во широкойё** [З (Г.), I, с. 57].

С древнерусской поры существующие и бережно воспроизводимые поколениями сказителей ключевые названия эпического пространства **чисто поле**, **белый свет** и др. наполнены глубоким этнокультурным смыслом. Они по праву названы Д. С. Лихачевым «малыми художественными произведениями», в которых слились воедино безграничность природных просторов и широта русской души: «Широкое пространство всегда владело сердцами русских ... Природа нужна была человеку большая, открытая, с огромным кругозором... Воля – это большие пространства, по которым можно идти и идти, брести, плыть по течению больших рек и на большие расстояния, дышать вольным воздухом, воздухом открытых мест, широко вдыхать грудью ветер, чувствовать над головой небо» [4, с. 272].

Былинный равнинный простор по горизонтали имеет условные мирные и военные границы (пределы, преграды), чаще водные, за которыми обычно чужая земля (сторона):

А й ты Добрынюшка Никитинич!

Да достал ли ты ю да красну девицу

От синя моря да от того ли короля

Да от того ли короля да от великаго [З (Г.), II, с. 123].

А едь-ко ты, Добрыня, **за синё море**,
Кори-тко ты языки там неверныи,
Прибавляй земельки святорусские [3 (Г.), I, с. 52].

Сама водная гладь и протяженность по вертикали вниз (до дна) - это также особо отмеченная пространственная зона – сакральная, предназначенная для ритуальных действий в эпоху язычества:

Когда ж ты меня поотродила,
Свертела ты б меня в камочку крупчатую,
Снесла бы ты меня да **край синя моря**,
Спустила б ты меня на святу воду,
Так шол бы я туды на само дно,
Лежал бы и да й место камешка,
Буйны б ветрушки там на меня не веяли,
Добры б людюшки там
про меня не баяли [3 (Г.), I, с. 100].

В приведенном традиционном тематико-ситуативном комплексе, эмоциональная тема которого «сетование», сказитель от лица персонажа (в стиле другого жанра – причитания) передает затекстовую информацию, хранящуюся в народной памяти о том, что в эпоху языческого поклонения водной стихии оправдано было жертвенное принесение. Самое раннее свидетельство об этом языческом ритуале, обычно совершаемом на краю той или иной пространственной зоны (**край синя моря**), принадлежит византийскому писателю второй половины X в. Льву Диакону. Он сообщает, что русские войска совершали в водах Дуная языческие жертвоприношения: они в память о павших воинах в сражениях с византийцами топили грудных младенцев и петухов, что составляло часть погребального обряда [5, с. 33].

Ценностная значимость пространственных зон особо выделяется в контексте, когда соответствующие фольклорные номинанты совместным употреблением создают тематико-ситуативный комплекс, в котором актуализируются существенные признаки былинного концепта «пространство» – *‘место бытования персонажа’, ‘предназначение места’*:

Как несчастно в Киеви случилось.
Что ни лучших богатырей не згодилося.
Святогор богатырь **на Святых на горах**,
А Илья да Самсон **у синяго моря**,
Добрынюшка Микитич **во чистых
во полях** [3 (Г.), I, с. 66].

Таким образом, былинный концепт «пространство» встраивается в общежанровую картину мира с характерологическими признаками, свидетельствующими, что пространственные зоны (по вертикали, по горизонтали) – это места обитания активно действующих персонажей, где они вершат мирные, военные, ритуальные деяния.

Сказочный концепт «пространство»

По употребительности во всех жанрах, в том числе и в сказке, по объемному содержанию самой универсальной, стоящей над всеми «пространственными» словесными комплексами, оказывается номинанта **путь-дорога**. Здесь не обойтись без трактовки символического образа дороги, который в широком смысле связывают с самой сказкой (вся сказка – дорога), в узком – с формой пространства, звеном сюжета.

Узкое понимание дороги в сказке чаще всего обозначено самой моноксемой **дорога** как родовой по отношению к словам и сочетаниям **тропка, тропинка, проталинка, дорога большая, дорога в поле, в лесу** и т. п. Бинарная номинация **путь-дорога**, судя по сюжетам, – это образ дороги в широком смысле. Различие

между дорогой и путем-дорогой Ю. М. Лотман отмечает особо: «Дорога – некоторый тип художественного пространства, путь-движение персонажа в этом пространстве» [цит. по: 6, с. 47]. Иначе, в сказке «вне пути нет дороги, ... дорога может быть проложена везде, где человеку путь» [6, с. 97]. Сказочный концепт «пространство», конечно, будет пересекаться в некоторых точках в своем содержании с былинным концептом. Но его элементы, «рассыпанные» в семантике сказочных номинант, в «калейдоскопическом» соединении своеобразны. В них антропо- и этнокультурная информация о далеком прошлом, об исторически относительно близком нам бытовании человека в пространстве по жанровым правилам возведена в ранг необходимой степени условности и неопределенности, без чего не может быть и сказки.

В волшебных сказках модель пространства достаточно дискретна и структурирована. Она представляет собой троичную структуру, состоящую из ярусов, каждый из которых в языке сказки детально маркирован фольклорными номинантами – общежанровыми, собственно сказочными:

- верхний мир: **ясное небо, верхний свет** и др.;
- средний мир: **белый свет, вольный свет, зеленый сад, чистое (чисто) поле, дремучий лес, синее (сине) море** и др.;
- нижний мир: **подземная пропасть, подземная сторона** и др.

В сказках подобное восприятие окружающего мира сохранено еще с эпохи язычества. В качестве доказательства, что в мышлении язычников пространство структурировалось по ярусам, исследователи приводят описание Збручского идола – языческого каменного изваяния, поднятого в 1848 г. из реки Збруч недалеко от Гусятина (Тернопольская область). Это изваяние представляет собой столб, четыре стороны которого украшены тремя ярусами изображений: верхний мир – небо – обиталище богов, средний мир – земля с живущими на ней людьми; нижний – подземный, потусторонний мир, населенный злыми силами [7, с. 144]. Условно реальными, согласно сказочным сюжетам, оказываются пространственные зоны верхнего и среднего миров, которые при обозначении объединяются универсальной номинантой **белый свет**. Иначе, **белый свет** – это то пространство, где еще не происходит ничего чудесного, волшебного:

Страх как хочется **по белу свету** постранствовать да матушку отыскать [3 РНС), № 129].

При этом в сказках белый свет – это ограниченное пространство, поскольку его связывали с Русью, а Русь поначалу была относительно изолированным государством. «...Иное царство, подземный мир – это все не белый свет, а нижний свет», – замечает В. В. Колесов [1, с. 134].

Наряду с тем, что пространственная зона '**белый свет**' – это и объединенные ярусы верхнего и среднего миров, и ограниченная по историческим причинам часть территории, сказочный белый свет – это еще особо выделенная зона в аспекте язычества и христианства. В сказках два данных мотива этнокультурных сведений присутствуют в части сюжета, повествующем о Бабе-Яге – языческом персонаже. Исполненная только недовольства, но не враждебности, она провожает из своего нижнего мира героиню, пришедшую к ней с белого света, т. е. русского, христианского света: «...Убирайся же ты от меня, благословенная дочка. Не нужно мне благословенных! Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота [3 (РНС), № 135].

Сказочный белый свет к тому же членится на условные сухопутные и водные преграды (границы, пределы), которые в испытаниях должны преодолеть персонажи: **зеленый сад, чисто (чистое) поле, широкое поле, дремучий лес, темный лес, непроходимый лес; сине (синее) море, огненная река**.

При этом каждая из номинант в своей семантике раскрывает частные пространственные признаки как символические из семиотических оппозиций «свой – чужой», «реальный – фантастический», «опасный – неопасный», «перемещение в пространстве (и времени) туда и обратно», «далеко – близко», «вверх – вниз» и т. д.

Например, *дремучий лес* – это ‘*сухопутный предел (место перехода) из «своего» в чужой мир*’:

... Возле этого дома был *дремучий лес*, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила Баба Яга [3 (РНС), № 127].

В сказке, являющейся самым древним повествовательным жанром, дремучий лес традиционно остается воплощением опасного. Этот образ, по словам А. Я. Гуревича, подкреплялся средневековой концепцией пространства, в котором лес находился вне «благоустроенного», «культурного» мира [8, с. 38].

Приведенные сказочные бинарные сочетания являются ключевыми в «обнажении» только пространственных элементов. Однако в сказке концепция единства пространства неотделима, как подчеркивает В. Я. Пропп, от концепции единства времени, в которое совершается событие. Композиционный и сюжетный момент единения пространства и времени в словаре сказочного текста репрезентирован многокомпонентными словесными комплексами. Один из них – **в некотором царстве, в некотором государстве** имеет значение ‘*неопределенное место обитания (пробытия) в неопределенное время*’:

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь [3 (ПЖРФ), с. 46].

По объяснению В. В. Колесова, сочетание «...**в некотором царстве** указывает на неопределенное время, так как давно со словом **царство** связывали не территориальное расположение какого-то государства, а время его существования. А вот **в некотором государстве** – действительно, указывает на место действия, такое же загадочное и столь же неопределенное» [9, с. 132]. Особо отмеченной ценностной зоной, куда стремится сказочный персонаж для достижения цели после преодоления преград, – это **тридевятое царство, тридесятое государство (за тридевять земель)** и т. д. Данные словесные комплексы также обозначают неопределенную часть пространства, причем «чужого» (традиционно в пределах нижнего мира):

За тридевять земель, в тридесятом царстве за огненной рекой живет Баба-Яга [3 (Аф.), с. 159].

Актуализируя пространственные признаки, данные сочетания, по нашему мнению, обозначают и время. Здесь следует иметь в виду, что в прошлом расстояние, преодолеваемое человеком, измеряли по фазам луны в исчислении три на девять, три на десять: дорога, длившаяся во времени двадцать семь-тридцать дней, было долгой для покинувшего родной дом. Но возвращение в закрытое, свое пространство (в родной дом) осуществляется уже без преодоления преград, мгновенно, волшебным образом.

Выводы

Современные представления о пространстве, опирающиеся на научные знания, добытые человеком в процессе освоения мира, существенно отличаются от представлений ранних эпох, которые вербализованы в фольклорных жанрах. За тем, что для современного сознания нейтрально или не мотивировано с позиции синхронного восприятия, стоят древние отношения, которые реализовывались в языке фольклора другими семантическими мотивировками. В текстах русских былин и волшебных сказок ценностная предназначенность пространственных зон оказывается своеобразной и многоплановой в этнокультурном аспекте. Это мотивируется тем, что в жанровых версиях фольклорных текстов один и тот же субъект, в частности пространство как форма бытия, может быть манифестантом разных культурных моделей: мифологической, религиозной, обыденной и т. п.

Список литературы

1. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: Изд.-во ЛГУ, 1986. – 312 с.
2. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: – Наука, 1976. – 346 с.
3. Источники и их условные сокращения: Гильфердинг А. Ф. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.: В III. Т. – М.- Л.: АН СССР, 1949 – 1951 (Г.); Афа-

насьев А. Н. Русские народные сказки. – М.: Наука, 1983 (Аф.); Прозаические жанры русского фольклора. – М.: Просвещение, 1983 (ПЖРФ); Русские народные сказки. – М.: Просвещение, 1987 (РНС) (в ссылках в круглых скобках дано условное сокращение источника, после скобок цифра обозначает том или номер фольклорного текста).

4. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. Антология. – М.: Академия, 1997. – С. 280 – 288.
5. Дуйчев И. С. К вопросу о языческих жертвоприношениях в Древней Руси // Культурное наследие Древней Руси. – М.: Наука, 1976. – С.31 – 34.
6. Неелов Е. М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики. - Л.: ЛГУ, 1986. – 248 с.
7. Мокиенко М. В. Образы русской речи. – Л.: Изд.-во ЛГУ, 1986. – 278 с.
8. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – 318 с.
9. Колесов В. В. История русского языка в рассказах. – М.: Просвещение, 1975. – 186.

GENRE VARIANTS OF THE CONCEPT “SPACE” IN THE FOLKLORE TEXTS

T. S. Sokolova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Sokolova@bsu.edu.ru*

The subject of the paper is the verbal complex taken from the collection of Russian fairytales and bylins. In this article we describe genre variants of the concept “space”. The semantics of folklore language facts is a reliable source of the ethnocultural information of the a priori categories of the biling.

Key words: ethnocultural information, conceptualization, space signs, folklore nomination, tradition and variation.